

УДК 94(47)

САМОДЕРЖАВНОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО XIX – НАЧАЛА XX СТОЛЕТИЯ: ПРАВИТЬ И УПРАВЛЯТЬ

А.В. Ремнев

Аннотация

Статья посвящена анализу норм, структуры и практик высшего уровня власти Российской империи XIX – начала XX века. Автор концентрирует внимание на механизмах функционирования императора и его агентов, которые предлагает описывать в категориях технологии властвования, и приходит к заключению, что домодерные и модерные практики власти порождали симбиозные формы и методы борьбы за нее в условиях рационализации бюрократических структур управления, в которые включался и глава государства.

Ключевые слова: история Российской империи, верховная власть, государственные институты, император, правительство, технология властвования, власть канцелярии, бюрократия.

Понятие *самодержавное правительство*, вероятно, является оксюморонным сочетанием, поскольку предполагает наличие помимо самодержца еще какого-то верховного органа власти (подробнее см. [1]). Однако именно в такой несообразности и заключалась главная интрига функционирования авторитарной системы, когда неумолимо шел процесс поглощения власти императора теми, кому он вынужден был ее делегировать, облекая в рациональные правовые формы. Важно понять, как император работал со своими ближайшими сотрудниками и высшими совещательными учреждениями, которые он сам установил, чтобы иметь возможность (но не обязанность) обоснованно принимать решения, а не для того, чтобы строго следовать бюрократическим процедурам. При этом все чаще возникал вопрос, кто стоит за тем или иным императорским решением или назначением?

Дж. Йени характеризовал имперский государственный аппарат как «правительство царских агентов», которым он во многом продолжал оставаться и в пореформенное время, несмотря на модернизацию ряда его институтов и рационализацию действий бюрократии. Внутриправительственная трансформация может быть описана в таком случае как столкновение «личных агентов» монарха и институтов «легального порядка» [2, р. 7–11, 47–50]. Бюрократическая среда, в которую был включен император и откуда он пытался вырваться, оставалась местом тайным, закрытым от постороннего взгляда, где устойчиво сохранялись традиционные черты патримониального общества с его клиентализмом, перекрывающим официальные нормы и институции [3]. Поэтому, как

справедливо заметил Н. Элиас, «мы можем узнать немало нового о государствах различного типа, если рассмотрим их просто как организации, попытавшись понять их структуру и способ функционирования» [4, с. 174]. Вместе с тем историки продолжают находиться во власти идола «абсолютизма» и мало уделяют внимания «истории самодержавной власти, как процесса управления» [5, р. 774–775]. О необходимости функционального анализа власти на всех ее уровнях, который бы позволил понять, как в реальности действовал механизм самодержавной власти, пишет И.А. Христофоров [6, с. 177].

Попытка приблизиться к пониманию этого порождает целый ряд вопросов. Было ли высшее управление империи «системой», или мы только можем наблюдать, как оформляются институции и связи между ними, как проявляет себя правительственная власть и как себя чувствует в ней такой внесистемный актор, как самодержавный монарх? Однако этот актор сам по себе оставался системообразующим, прочерчивал линии взаимодействия по правилам, плохо согласуемым с рационально организованной системой бюрократического управления, регламентируемой правовыми нормами. Таким образом, главными становятся вопросы: насколько обоснованно мы можем говорить о «правительственной политике» самодержавия, какие акторы и институции были задействованы в ее выработке и реализации? Какие существовали возможности для манипулирования «высочайшей волей», создания каналов влияния на монарха и способов принятия политических и управленческих решений? Что может быть описано как история технологии властвования?

Со времени известного «Наказа» Екатерины II и до последних лет существования царизма идея законности как атрибут «истинной» и «правомерной» монархии была предметом пристального внимания. Вместе с тем само право, призванное придать монарху удобный и достойный имидж, нередко в условиях самодержавия выглядело (по определению В.М. Живова) «культурной фикцией», «идеологической функцией» [7, с. 24]. М.М. Сперанский, выстраивая в своих проектах начала XIX в. новую модель государственного устройства императорской России, предлагал дать ей *самодержавную конституцию* [8, с. 104]. Он соглашался с тем, что верховная власть, сосредоточенная в личности самодержавного монарха, должна соединять функции законодательства и высшего администрирования, а понятие закона в неограниченной монархии фактически означало выражение монаршей воли, не допускавшей участия в законодательном процессе общественных сил, не исключая дворянства. Вместе с тем бюрократизация государственного управления, его рационализация, создание независимого суда порождали неизбежные противоречия, актуализировали вопрос о совместимости самодержавия и законности. Главным образом это отразилось в попытках упорядочить законодательный механизм самодержавия и кодифицировать российское законодательство. Хотя российские самодержцы никогда не отрекались от желания допустить изъятие из закона по частному случаю, издать временные правила, изменить законодательные процедуры, они уже не могли не считаться с необходимостью публичного законодательства. Между тем попытки изменить механизм законодательства через обязательную правовую регламентацию процедур, введение выборного элемента в Государственный совет или проведение более четкой грани между законом и высшим административным

постановлением вплоть до Первой российской революции успеха не имели (подробнее см. [9, 10]).

Сохранение незыблемости самодержавия – чему были верны все цари – в глазах имперских сановников оставалось важным аргументом во внутриправительственной борьбе. Декларируемая приверженность самодержавию, как и сама неограниченная власть монарха, превращалась в инструмент политического действия, что облегчало задачу реализации того или иного политического курса вне зависимости от того, был ли он ориентирован на проведение реформ или, наоборот, на их свертывание. Борьба за влияние на монарха являлась основным содержанием всех интриг, которыми была столь богата история российского самодержавия. «Каждому министру, – отмечал Б.Н. Чичерин, – конечно, выгодно выступать ярким защитником самодержавия, ибо на этом зиждется собственное его положение» [11, с. 583]. В этой риторике современные и домодерные аргументы причудливым образом сочетались с апелляцией к российскому историческому прошлому и западноевропейскому опыту, откуда брались примеры не только для подражания и заимствований, но и для демонстрации возможных угроз на пути модернизации государственного строя империи. Это создавало явное противоречие между традиционалистской идеологией, консервативными целями царизма и его достаточно совершенной европейской техникой управления и реформистскими порывами.

Если в XVIII столетии власть монарха, как не без иронии заметила мадам де Сталь, была «ограничена удавкой», которую могла применить дворянская элита, то с укреплением государственного строя в России, хотя жизни монарха от его окружения уже больше ничто не угрожало, ограничение его реальной власти стало осуществляться за счет деятельности бюрократических структур при конкурирующем влиянии личных агентов императора или агентств, составлявших, по определению П. Мустонена, «институт самодержца» [12, с. 276–294]. Консервативно настроенные современники называли это явление *расхищением самодержавной власти бюрократией, министерской олигархией, самовластием министров* и даже *самодержавием министров*, а историки определяют его как *бюрократический абсолютизм* [13, р. 198]. «И, как это ни звучит парадоксально, – заметил еще А. де Кюстин, – самодержец всероссийский часто замечает, что он не так всемогущ, как говорят, и с удивлением, в котором он боится сам себе признаться, видит, что власть его имеет предел. Этот предел положен ему бюрократией – силой страшной повсюду, потому что злоупотребление ею именуется любовью к порядку» [14, с. 268–269]. За этим скрывалась латентная власть канцеляристов, регламентируемая не столько нормативными документами, сколько бюрократической практикой. Интеракции в связке *начальник – подчиненный* были куда более сложными, чтобы их можно было описать только в категориях *поручения – исполнения*. В такой ситуации самодержавный монарх уже не выглядит обладающим абсолютно самостоятельной волей, а признается его зависимость от власти докладчика и советника. Попытки монарха вырваться из этой зависимости вызвали его ревнивое отношение к наиболее деятельным соратникам, стремление избавиться от бюрократических пут и найти альтернативу вне государственного аппарата. С другой стороны, предвосхищение, угадывание и даже конструирование монаршей воли становились важными инструментами и мотивами

бюрократического поведения на самом высоком уровне власти. Деятельность совещательных органов при монархе оставалась закрытой, доступ непосвященным к таинству рождения «высочайшей воли» был ограничен [15]. Как отметил Й. Баберовски, институциональная и законодательная власть централизованного государства разбивались о культуру персонализированной власти, а современные идеи адаптировались к домодерным условиям «присутственного» общества [16, с. 74–75]. Для высших сановников было чрезвычайно важно сохранять и поддерживать личную связь с монархом, постоянно демонстрируя свое присутствие, как заметил председатель Государственного совета вел. кн. Михаил Николаевич, «чтобы Государь не терял привычки меня видеть» [17, с. 137]. Важным (если не главным) каналом взаимодействия императора с его основными агентами управления – министрами – были не юридически фиксированные процедуры деятельности высших государственных учреждений, а всеподданнейшие доклады, никогда не имевшие внятного правового статуса [18]. Именно они очерчивали формальные и неформальные поля политического пространства власти императора, где действовала власть докладчика. Личный доклад оставался для монарха и его министров наиболее приемлемой формой взаимодействия, а сама процедура встречи была демонстрацией доверия со стороны императора и подтверждением значимости того или иного лица.

Усложнение государственного механизма и правовая фиксация институциональных форм органов высшей администрации России, несомненно, увеличили круг акторов, задействованных в политическом процессе. Централизация государственного аппарата неизбежно втягивала императора, как главу государства, в реальный процесс принятия политических и управленческих решений. Все российские монархи жаловались на то, что им приходится читать и подписывать множество документов, что было губительным не только для высшей власти, но и их здоровья. Входивший в ближний круг последних двух российских императоров В.П. Мещерский поведал, что Александр III умер именно от огромного количества бумаг [19]. «Император, – подытожил уже в эмиграции свои исследования государственной власти в России известный российский правовед барон Э.Ю. Нольде (сын последнего управляющего делами Комитета министров), – был высшим чиновником, дальше которого некуда было посылать бумаги на подпись и который с воспитанной традицией аккуратностью и точностью давал свою подпись и венчал, таким образом, бюрократическую иерархию» (цит. по [20, с. 10]). Демонстрируя свой высокий престиж, император не мог остановиться перед желанием не только править, но и управлять, поддерживая «иллюзию вездесущности», как это описывает применительно к правлению Николая I Р. Уортман [21, с. 390–404]. Адепты самодержавия из консервативного лагеря активно подталкивали монарха к непосредственному участию в делах высших учреждений империи. «Но, сделав этот шаг однажды, – описывал опыт Людовика XIV Норберт Элиас, – он стал пленником положения, при котором король не только властвует, но и правит; он был вынужден решать в обязательном порядке ту задачу, которую возложил на себя ради ее высокой репутации». При этом император продолжал действовать в условиях «защищающего господства», когда ему приходилось постоянно удерживать личную власть,

разделяя и властвуя, балансируя на том «равновесии напряжений», которое он постоянно должен был поддерживать вокруг себя [4, с. 152].

Между тем рационализирующаяся бюрократия превращала «помазанника Божьего» в высшее должностное лицо. Религиозный миф о государе и профанное знакомство с главой государства неизбежно порождали конфликт, который грозил разрушением самой сущности верховной власти, ее идеологических основ. Доступность монарха неизбежно влекла за собой десакрализацию его как символа государства, чего министры не могли допустить теоретически, борясь с реальностью личных оценок. Так, министр внутренних дел в правительстве С.Ю. Витте П.Н. Дурново, по его собственному признанию, личной привязанности ни к Александру II, ни к Николаю II не имел, однако продолжал считать их «олицетворением монархического принципа, которому он твердо верил как панацее для России» [22, с. 674]. В императорском окружении уже с некоторым сарказмом и даже опасением относились к религиозной уверенности монарха в его божественной миссии, полагая, по словам бывшего главы правительства В.Н. Коковцова, что Николай II «очень религиозен, узкой и суеверной религиозностью, которая делает его очень ревнивым к его верховной власти, потому что она дана ему богом» [23, с. 183]. Теоретические обоснования самодержавия консервативно настроенных философов и религиозных деятелей в правительственных кругах приветствовались, но, как правило, признавались непрактичными. Монархические убеждения и даже восторженное отношение к императору в его ближнем окружении сосуществовали с критическим отношением к персональным качествам монарха. Ведомственная профессионализация министров неизбежно вела к тому, что они отказывали монарху быть компетентным в специальных вопросах, подчеркивая необходимость автономности государственной бюрократии. В то же время сохранялось понимание, что только император может «все охватить» и это совсем другой «охват», нежели тот, который требуется от любого администратора [15, с. 10]. Еще в начале XIX в., рассуждая о возможности государю «все самому распоряжаться», министр внутренних дел В.П. Кочубей заключал: «Дело Государя думать и повелевать в больших чертах» [24, с. 207]. В правящих сферах продолжали уповать на то, что только «государь теперь представляет и знаменует собой цельность и единство Империи. Он один может укрепить пошатнувшееся, сплотить раздвоившееся. Он призван умиротворить умы, утешить страсти, воссоединить воли, указав им общую цель и открыв пути к этой цели» [25, с. 74–75]. Чиновник канцелярии Комитета министров И.И. Тхоржевский представлял императора чуть ли не демиургом с его «чудом подписи» (по выражению П. Бурдьё), когда «Государь ставил на всем сияющую, животворную точку» и подготовленные канцелярскими документами «превращались» в высочайшие повеления, тем самым он «благословлял или не благословлял своим именем все в России к жизни и действию». «Не он опирался на государственные учреждения, – подытожил Тхоржевский, – а они им держались» [26, с. 47].

Освобождение монарха от бремени текущего управления, как и от непосредственной ответственности за результаты, могло подаваться как стремление сохранить престиж верховной власти. В таких условиях монарх должен был постоянно удерживать трудно определяемую дистанцию, которая бы не позволяла ему

чрезмерно удаляться от реального механизма выработки и принятия управленческих решений, но при этом не давала быть поглощенным бюрократическим аппаратом. Император мог восприниматься то как стоящий вне администрации, то как часть ее. Государственный секретарь А.А. Половцов разъяснял императрице Марии Федоровне, что государь не должен вмешиваться во второстепенные вопросы повседневной жизни и ему лишь следует «подражать божественному провидению, которое, установив совершенный порядок, не может вмешиваться в жизнь отдельных существ, не подрывая своего престижа» [17, с. 328]. М.Н. Катков настойчиво внушал Александру III опасность зависимости от министров: «Россия имеет две политики, идущие врозь – одну царскую, другую министерскую» (цит. по [27, с. 227]). Исходя из такого понимания сущности самодержавного правления Катков не стеснялся критиковать министров, действия которых, как ему казалось, противоречат «царской политике». У самой же бюрократии такая двойственность могла иметь обратную трактовку. «Закон, даже утвержденный монархом, мог восприниматься как необязательный, проведенный тем или иным министром, а значит – возможно было его не исполнять и противиться императорской воле во имя высшего понимания самой сути самодержавной власти. Таким образом, создается целая категория *неполномощных* законов, к которым исполнители при самом их появлении относятся или явно враждебно, или просто непочтительно. В первом случае исполнители защищаются фразой, что противятся воле монарха из высшей преданности к нему же, и в этом рассчитывают получить милостивую оценку своих чувств, во втором, не видя отмены “опричной” директивы, просто говорят: “Все равно из этого ничего не выйдет”» [28, с. 115].

Власть в Российской империи оставалась не столько правовой, сколько делегированной. Министры все еще могут быть определены как члены ближнего круга императора, хотя ими одними этот круг никогда не ограничивался. В противовес министерствам сохранялись институты личной власти монарха (Собственная е.и.в. канцелярия (СЕИВК), Комиссия прошений, Главная императорская квартира, дворцовый комендант, статс-секретари, генерал-адъютанты и флигель-адъютанты, как лица, обладающие особым доверием монарха и его порученцы), кроме того, использовались механизмы вневедомственного влияния. Верховная власть целенаправленно продолжала искать альтернативные каналы получения информации и формы контроля. В начале царствования Николая II это получило отражение в неосуществленных проектах восстановления III Отделения СЕИВК или повышения роли Канцелярии прошений, адресованных императору [29]. Неслучайно российские императоры по преимуществу должны были скрывать свои взгляды, опасаясь делиться ими с окружением. «Помазанник Божий, – писал по этому поводу дворцовый комендант А.А. Мосолов, – царь держался сознательно и систематически высот, куда не мог проникнуть простой смертный» [30, с. 76–77]. Даже должность личного секретаря монарха казалась подозрительной, поскольку лицо, ее занимавшее, пользуясь своими полномочиями, могло приобрести статус могущественного временщика, каким предстал в исторической памяти граф А.А. Аракчеев. Распределяя и перераспределяя свое доверие между агентами, монарх не мог полагаться на одного человека без опасения быть заслоненным им, утратить не только реальную

власть, но и престиж, славу. Казалось бы, члены Государственного совета или Сената могли стать своего рода противовесом монополии министров в императорском окружении. Об этом неоднократно писал государственный секретарь А.А. Половцов: «Чей же голос раздастся около Государя? Исключительно Министерский; а между тем весьма понятно, что Государю хочется слышать иное, проверить, что жужжат Министры в постоянных концертах самовосхваления. Он и обращается к втирающимся к нему ничтожествам, думая услышать независимый голос» [31, с. 100].

Министры, получившие во многом бесконтрольную личную власть, создавали ситуацию, угрожавшую самостоятельности главы государства. «От утра до глубокой ночи кабинет его будут облежать министры, все, работая без общего плана и идя в разные стороны, – признавал М.М. Сперанский, – они будут ему представлять вместо дел частные подробности, развлекут, рассыпят его внимание и, исчисляя дела количеством бумаг, может быть, захотят уверить его, что судьба царства Российского зависит от передачи дел из одних рук в другие, потщатся уверить его, что не они делают все наилучшим образом, но и что делать сего иначе невозможно...» [32, с. 253]. Полученное одним министром монаршее одобрение могло быть оспорено другим и также подтверждено императорским согласием. В таком случае, как не без некоторого цинизма заметил министр финансов конца XIX в. И.А. Вышнеградский, более позднее «счастье» царского решения поглощает «более раннее счастье», приобретенное другим министром [33, с. 41]. Зависимость монарха от советников и помощников осознавалась как угроза реального ограничения самодержавной власти. Монарх не доверял легальным институтам власти так же, как и окружавшей его клиентуре, сохраняя баланс группировок, сталкивая своих сотрудников. Абсолютная власть на поверку оказывалась ограниченной не только физической невозможностью охватить все сферы государственного управления, но и неспособностью обойтись без бюрократического аппарата. «Царь самодержавен, – писал С.Ю. Витте, – потому что от него и только от него зависит установить машину действия, но так как царь – человек, то для управления страной в 130 млн. подданных ему машина нужна, ибо его человеческие силы не могут заменить машину. Царь самодержавен, а потому он может менять по своему усмотрению сию машину и все части ее, когда только захочет, но все-таки может менять, но физически не может действовать без машины» [34, с. 32]. Превращение монарха в пусть и первого среди равных, но все же равного, диктовало необходимость (вовсе не обязательную) соглашаться с мнением большинства. Неслучайно все монархи так не любили разногласий, хотя по многим делам нередко могли не иметь окончательного решения и действительно желали получить совет. Однако были ситуации, когда обсуждение вопроса превращалось в простую формальность. «Таким образом, – заключал сенатор М.П. Веселовский, – верховная власть как бы добровольно лишает себя средства смотреть на дело иначе как с точки зрения того или иного министра, что, конечно, усиливает министерский авторитет и умаляет значение существующих у нас коллегиальных учреждений». К тому же, продолжал он, судьба большинства представлений министров в Государственный совет уже бывает предрешена императором, «так что Совету приходится как бы только

регистрировать данный закон, изменяя, может быть, лишь подробности внесенного проекта» (ОР РНБ).

Попытки вырваться из бюрократической зависимости, как уже было отмечено, пробуждали у монарха подозрительность к наиболее деятельным соратникам, стремление найти альтернативу среди добровольных советников вне государственного аппарата. Современниками неоднократно отмечалась привычка российских монархов играть на противоречиях, находя в разногласиях дополнительные гарантии своей неограниченной власти. Однако даже юристы вынуждены были признать, что нельзя принудить монарха советоваться исключительно с министрами и действовать только через Комитет министров. «Это привело бы вообще к отчуждению монарха от дел управления, лишило бы его возможности непосредственного, живого воздействия на управление государством» [35, с. 366]. Выбор министров, придерживавшихся нередко разных политических ориентаций, был следствием не только случайности их назначения, компромиссом влияний, но и своего рода стратегией, затруднявшей однозначное определение намерений императора. Самодержец не мог править единолично, но и бюрократия не могла управлять без его участия. Независимые один от другого и ответственные только перед главой государства, министры соперничали друг с другом, защищая свои личные и ведомственные интересы. Осознаваемая почти всеми министрами необходимость «объединенного правительства» и общей программы действий неизбежно теряла свою актуальность перед возможностью преступить институциональные рамки и добиться сепаратного решения путем непосредственного обращения к высшей санкции монарха. Недаром один высокопоставленный сановник назвал такую межведомственную усобицу российской администрации ее «*Magna Charta libertatum*».

В период царствования Александра II постепенно меняется политическая культура российского общества, в правящих кругах появляются группировки во главе с лидерами (обычно из числа министров), которые создают свою структуру политического действия. Это уже не только традиционные клановые или клиенталистские отношения, в политическую сферу включаются общественные лидеры и организации, журналы и газеты, научные эксперты и референтные группы. «Создание министерств, положившее конец коллегиальности в деятельности высших должностных лиц, – подчеркивает А. Рибер, – при отсутствии системы единого кабинета министров, предоставило каждому из министров колоссальную автономию. Он становится как бы самодержцем в своей сфере, окруженным множеством верных сторонников, профессионально подготовленных и преданных своему департаменту» [36, с. 45]. Реформаторский курс теперь уже в большей степени связывают не столько с самим императором, сколько с тем или иным министром. Это не могло не сказаться на публичном имидже монарха, который мог ревниво относиться к росту популярности своих агентов, превращавшихся в самостоятельные политические фигуры. Дистанция в восприятии общественностью императора и его правительства не могла быть бесконечной, и в конечном итоге связь между ними становилась очевидной, а император оказывался ответственным не только за свои личные поступки, но и за решения министров, которые, в свою очередь, стремились прикрыться монаршим одобрением своих действий.

Понятие «правительство» оставалось неудобным для самодержавного дискурса, хотя и являлось необходимым для российской монархии, стремившейся выстроить правовую модель власти, к обоснованию которой подталкивали законодатели и профессиональные юристы, мотивы и действия которых нередко совпадали. Уже в начале XIX в. понятия «верховная власть» и «государь» воспринимались как синонимы или по крайней мере как однопорядковые. Термин «правление» – крайне размытый и не отражавший различия между верховной властью и государством – постепенно превратился в «престол» и «поставленные от него власти», а позднее во все еще не четкое разделение власти на верховную и государственную. Министерства, как трактовала тогда юридическая наука, являлись бюрократическими органами «подзаконного» (то есть действующего по точным указаниям закона) правительства, а сам министр, как слуга монарха, вместе с тем входил в «надзаконное», верховное правительство под руководством непосредственно царя, устанавливавшего государственно-правовые нормы. Несмотря на тщательно очерченные законодателем полномочия министров, их положение оставалось своего рода компромиссом между юридическим статусом, установленным «Учреждением министерств», и реальной практикой личной зависимости от монарха. Что касается регулярного руководства правительством, то по этому поводу было выражено понятное опасение, что исполнение этой функции самим монархом будет иметь существенные неудобства и станет противоречить высокому призванию самодержавной власти с ее декларируемой непогрешимостью. В Российской империи, претендовавшей на статус подзаконной самодержавной монархии, не могло быть места ни коллективному, ни единоличному «визирату»; все высшие государственные учреждения могли иметь лишь совещательный характер, а министр формально мог быть лишь докладчиком дел у монарха. Формально, а нередко и реально только сам самодержец мог играть роль объединителя управления и вершителя всех дел. При самодержавии, считал один из главных авторитетов в области государственного права Б.Н. Чичерин, будет опасен премьер-министр, который неизбежно станет «временщиком» при императоре и, «не нуждаясь в поддержке общественного мнения, заслонит собою все» [11, с. 490–491]. Чичерин возлагал надежды на создание Совета министров во главе с самим императором, который был образован в 1857 г. и рассматривался как разновидность частных совещаний, в которых и раньше нередко председательствовал сам монарх, собирая по своему выбору ближайших советников. Неслучайно в некоторых документах Совет министров именовали «Ближним Советом» и настаивали на том, что государь в нем не должен быть стесняем «никакими канцелярскими формами». Природу и методы борьбы за лидерство среди министров один из опытейших чиновников Министерства внутренних дел начала XX в. С.Е. Крыжановский объяснял таким образом: «Отсутствие единства в действиях и взглядах правительства вытекало из самой организации высшего управления, которое формально возглавлялось Государем. В действительности же, за невозможностью для него вникать во все дела управления, оно выливалось в «борьбу ведомств», наполнявшую собою целые периоды» [37, с. 117]. По мере того как Николай II приобретал все большую уверенность и начинал «набирать самостоятельности», менялось его отношение к министрам. «Для меня, – признавался он, – высшее

удовольствие – собрать моих министров и, бросив им кость, столкнуть их лбами» (цит. по [38, с. 50]). А.Н. Куломзин писал в своих мемуарах, что Николай II любил «ссорить своих министров» и считал «этот прием верхом дипломатического искусства». Но из лозунга *divide et impera* Николай II умел применять лишь первую часть, а вторую за него часто пользовались другие (РГИА). Даже в условиях начавшейся в 1905 г. революции в правящих кругах продолжали заклинять, что в России невозможен кабинет министров, так как это противоречит самой сути самодержавия, усматривали в нем едва ли не большую угрозу, нежели в законосовещательном представительном учреждении, где можно было, как призывали монархисты, сформировать партию власти.

Summary

A.V. Remnev. Autocratic Government in the 19th – Early 20th Centuries: Governing Vs. Ruling.

The article analyses the norms, structure and ruling practices of the supreme power of the Russian Empire in the 19th – early 20th centuries. The author pays attention to the way the emperor and his “agents” worked, and suggests describing the mechanisms of their functioning in the categories of technology of ruling. The conclusion is made that premodern and modern practices of the government created symbiotic conformations and methods of fighting for the power in the conditions of rationalization of bureaucratic governance structures, which included the head of the state.

Key words: history of the Russian Empire, supreme power, state institutions, emperor, government, technology of ruling, authority of chancellery, bureaucracy.

Источники

- ОР РНБ – Записки сенатора М.П. Веселовского // ОР РНБ (Отдел рукописей Российской национальной библиотеки). Ф. F-IV. № 861. Л. 724.
- РГИА – Куломзин А.Н. Пережитое // РГИА (Российский государственный исторический архив). Ф. 1642. Оп. 1. Д. 200. Л. 8.

Литература

1. Ремнев А.В. Самодержавное правительство. Комитет министров в системе высшего управления Российской империи второй половины XIX – начала XX вв. – М.: РОССПЭН, 2010. – 511 с.
2. Yaney G.L. The Systematization of Russian Government: Social Evolution in Domestic Administration of Imperial Russia, 1711–1905. – Urbana: Univ. Illinois Press, 1973. – 464 p.
3. Шаттенберг С. Культура коррупции, или к истории российских чиновников // Неприкосновенный запас. – 2005. – № 4 (42). – С. 29–35.
4. Элиас Н. Придворное общество: Исследования по социологии короля и придворной аристократии, с Введением: Социология и история. – М.: Языки славянской культуры, 2002. – 367 с.
5. Dolbilov M. The Political Mythology of Autocracy: Scenarios of Power and the Role of Autocrat // Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History. – 2001. – V. 2, No 4. – P. 773–797.

6. *Христофоров И.А.* В поисках единства: административные преобразования в контексте Великих реформ (1850–1870-е гг.) // Административные реформы в России: история и современность. – М.: РОССПЭН, 2006. – С. 177–219.
7. *Уортман Р.* Властители и судьи: Развитие правового сознания в императорской России. – М.: Новое лит. обозр., 2004. – 520 с.
8. План государственного преобразования графа М.М. Сперанского. – М.: Гос. публ. ист. б-ка, 2004. – 192 с.
9. *Правилова Е.А.* Законность и права личности: административная юстиция в России (вторая половина XIX в. – октябрь 1917 г.). – СПб.: Изд-во Северо-Западной Академии гос. службы, 2000. – 288 с.
10. *Ремнев А.В.* Проблема «указа и закона» в пореформенной России // Вспомогательные исторические дисциплины. – Л.: Наука, 1987. – Вып. XVIII. – С. 175–189.
11. *Чичерин Б.Н.* Философия права. – СПб.: Наука, 1998. – 656 с.
12. *Мустонен П.* Собственная его императорского величества канцелярия в механизме властвования института самодержца, 1812–1858: К типологии основ имперского управления. – Helsinki: Aleksanteri Instituutin julkaisusarja, 1998. – 357 с.
13. *Whelan H.W.* Alexander III and the State Council: Bureaucracy and Counter-Reform in Late Imperial Russia. – New Brunswick, NJ: Rutgers Univ. Press, 1982. – 258 p.
14. *Де Кюстин А.* Николаевская Россия. – М.: Политиздат, 1990. – 351 с.
15. *Долбилов М.Д.* Рождение императорских решений: монарх, советник и «высочайшая воля» в России XIX в. // Ист. зап. – М.: Наука, 2006. – Вып. 9 (127). – С. 5–48.
16. *Баберовски Й.* Доверие через присутствие. Домодерные практики власти в поздней Российской империи // *Ab Imperio*. – 2008. – № 3. – С. 71–95.
17. Дневник государственного секретаря А.А. Половцова: в 2 т. – М.: Наука, 1966. – Т. I. – 551 с.
18. *Шилов Д.Н.* Феномен всеподданнейшего доклада в политической жизни Российской империи (XIX – начало XX в.) // *Клио*. – 2000. – № 2. – С. 60–67.
19. *П.С.* Губернаторский гипноз // *Освобождение*. – 1904. – 25 июня. – № 50.
20. *Куликов С.В.* Бюрократическая элита Российской империи накануне падения старого порядка (1914–1917). – Рязань: Трибунский, 2004. – 473 с.
21. *Уортман Р.* Сценарии власти. Мифы и церемонии русской монархии: в 2 т. – М.: ОГИ, 2004. – Т. I. – 606 с.
22. *Толстой И.И.* Дневник, 1906–1916. – СПб.: Европ. дом, 1997. – 730 с.
23. *Палеолог М.* Царская Россия накануне революции. – М.: Политиздат, 1991. – 494 с.
24. Записка графа В.П. Кочубея об учреждении Министерств [28 марта 1806 г.] // Сборник Русского исторического общества. – СПб., 1894. – Т. 90. – С. 206–208.
25. Дневник П.А. Валуева, министра внутренних дел: в 2 т. – М.: Изд-во АН СССР, 1961. – Т. 2. – 588 с.
26. *Тхоржевский И.И.* Последний Петербург. Воспоминания камергера. – СПб.: Алетейя, 1999. – 256 с.
27. *Твардовская В.А.* Идеология пореформенного самодержавия: М.Н. Катков и его издания. – М.: Наука, 1978. – 279 с.
28. *Бринкман фон А.* Неполномощные законы. К психологии русской исполнительной власти // *ПОЛИС*. – 2006. – № 1. – С. 110–121.
29. *Ремнев А.В.* Канцелярия прошений в самодержавной системе правления конца XIX столетия // *Ист. ежегодник*. – 1997. – С. 17–35.
30. *Мосолов А.А.* При дворе последнего императора. – СПб.: Наука, 1992. – 262 с.

31. Дневник А.А. Половцова за 1900-е гг. // Красный архив. – 1923. – № 3. – С. 75–172.
32. *Сперанский М.М.* Руководство к познанию законов. – СПб.: Наука, 2002. – 680 с.
33. *Ковалевский В.И.* Воспоминания // Рус. прошлое. – 1991. – № 2. – С. 5–96.
34. Переписка С.Ю. Витте и Д.С. Сипягина // Красный архив. – 1925. – № 5. – С. 30–48.
35. *Коркунов Н.М.* Русское государственное право: в 2 т. – СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1909. – Т. II. – 739 с.
36. *Рибер А.* Групповые интересы в борьбе вокруг Великих реформ // Великие реформы в России, 1856–1874. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1992. – С. 44–72.
37. *Крыжановский С.Е.* Записки русского консерватора // Вопр. истории. – 1997. – № 4. – С. 107–126.
38. *Кольшко И.И.* Великий распад: воспоминания. – СПб.: Нестор-История, 2009. – 463 с.

Поступила в редакцию
20.12.09

Ремнев Анатолий Викторович – доктор исторических наук, профессор Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского.

E-mail: remnev55@rambler.ru